

М. А. Давыдов
**АГРАРНАЯ РЕФОРМА П. А. СТОЛЫПИНА:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-27-36

УДК 94(470)''18/19''

ББК 63(3)533-210.6

Столыпинская аграрная реформа положила начало агротехнологической революции в России, однако ее значение далеко выходит за рамки собственно сельского хозяйства. С одной стороны, она стала принципиальным рубежом в ликвидации сословно-тяглогового строя, резко усилив интеграцию крестьянства в общегражданское правовое пространство, а с другой, явилась катализатором невиданных в истории Российской империи явлений и процессов в сфере народного хозяйства, а также массовой психологии и культуры. Аграрный вопрос в конце XIX — начале XX вв. превратился в ключевую проблему Российской империи в огромной степени из-за неокрепостнических взглядов большей части элиты. Последствия консервации общинного режима, одним из которых стал кризис аграрного перенаселения, прежде всего в северно-черноземных губерниях между Днепром и Волгой, в полной мере проявились в ходе аграрных погромов 1905 г. Только эти потрясения вынудили власть пойти, наконец, путем более развитых стран. П. А. Столыпин считал, что решить аграрный вопрос нельзя, его можно только решать — целым рядом отдельных мероприятий, общий смысл которых сводится к предоставлению крестьянам гражданских прав и законных вариантов их реализации, благодаря которым крестьяне получили ряд новых, неизвестных им возможностей изменить свою жизнь к лучшему — при активном содействии правительства. И эта стратегия оказалась эффективной.

Ключевые слова: *столыпинская аграрная реформа, агротехнологическая революция, модернизация Витте–Столыпина, кризис аграрного перенаселения*

Столыпинская аграрная реформа остается дискуссионной проблемой историографии. Изложим свое видение данной проблематики.

Реформа стала стержнем второго этапа модернизации Витте–Столыпина, которую мы рассматриваем не просто как два идущих друг за другом периода реформ, а как две взаимосвязанные и взаимообусловленные стадии модернизационного процесса, сопряженные с курсом на создание в России правового государства, увеличением степени свободы ее жителей, в том числе и экономической, а также повышением уровня их благосостояния.

Значение аграрной реформы П. А. Столыпина далеко выходит за рамки собственно сельского хозяйства. С одной стороны, она стала принципиальным рубежом в ликвидации сословно-тяглогового строя, резко усилив интеграцию крестьянства в общегражданское правовое пространство, а с другой, явилась катализатором невиданных в истории Российской империи явлений и процессов в сфере народного хозяйства, а также массовой психологии и культуры.

Реформа, во многом разорвавшая патерналистский дискурс русской истории, начала успешное решение главной проблемы Россий-

ской империи — аграрной, за счет массового внедрения принципа частной крестьянской собственности, интенсификации и роста сельскохозяйственного производства, повышения благосостояния крестьянства и сокращения аграрного перенаселения.

Осознать масштабы модернизационного плана П. А. Столыпина можно лишь с учетом того, что в начале XX в. Россия была единственной мировой державой, которая обходилась без парламента и не подпадала под определение правового государства, в которой 80 % населения не имело права собственности на обрабатываемую землю и свободы передвижения, в которой не произошла агротехнологическая революция, в которой отсутствовали полная свобода предпринимательства, всеобщее начальное образование и др. И где по закону крестьян до 60 лет можно было пороть — вплоть до августа 1904 г.

Это было следствием того, что после 1861 г. Россия во многом сознательно де-факто реализовывала гигантскую антикапиталистическую утопию — первую в своей истории.¹ Утопию о том, что во второй половине XIX в., в индустриальную эпоху, можно быть «самобытной»

Давыдов Михаил Абрамович — д.и.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: mdhist@gmail.com

¹ И, кстати, делала это не без успеха, иначе В. И. Ленину, Г. В. Плеханову и П. Б. Струве в 1890-х гг. не пришлось бы тратить столько сил на доказательство того, что капитализм давно пришел в Россию.

великой державой, т. е. влиять на судьбы мира, отрицая и отвергая все то, за счет чего конкуренты добились процветания, и в первую очередь общегражданский правовой строй и соответствующие права всего населения, а также полную свободу предпринимательства.

Ограниченный характер отечественной версии экзогенной модернизации, особенно заметный в сравнении с японским ее вариантом, был обусловлен сильнейшими антикапиталистическими и антибуржуазными настроениями значительной части российской элиты (включая правительство).²

Трансформация империи в индустриальную страну была для нее неприемлема, равно как и ликвидация сословно-тяглогового строя, в том числе уравнильно-передельной общины, введение частной собственности крестьян на землю, юридическое уравнение всех граждан вне зависимости от сословной и вероисповедной принадлежности и т. д. Большая часть русского общества, получившего в результате Великих реформ полноту общегражданских прав, не желала их распространения на крестьянство.

Напомним, что аграрные контрреформы Александра III в большой мере были инициированы земством и что усиление сословной обособленности крестьянства, установление неотчуждаемости наделных земель и все меры по укреплению общинного режима — кроме введения земских начальников — солидарно приветствовались как крайне левой, так и крайне правой частью общественности.³

Апокалиптическое восприятие капитализма в огромной степени обусловило невнятную экономическую политику правительства, которое вплоть до рубежа 1880–1890-х гг. делало явно недостаточно для развития в стране современ-

ной индустрии⁴ и вплоть до 1906 г. — практически ничего для интенсификации сельского хозяйства, прежде всего крестьянского.

Естественным следствием такой политики к концу XIX в. стало нарастание кризиса аграрного перенаселения, прежде всего в северных-черноземных губерниях империи.

Русско-японская война и вызванная ею революция 1905 г. ясно показали, что реализация антикапиталистической утопии поставила Россию на грань крушения.

И тогда наиболее дальновидная часть истеблишмента выступила за смену алгоритма развития Российской империи. П. А. Столыпин зафиксировал это в известных словах: «Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое».

4 марта 1906 г. началась аграрная реформа, которая, в частности, противопоставила идеям социалистов и кадетов, уверенных, что проблемы деревни можно решить прирезкой, условно говоря, пары десятин чужой земли к выпханному крестьянскому наделу, куда более осмысленный и глубокий подход.

Аграрный вопрос, говорил П. А. Столыпин, нельзя решить, его можно только решать — решать целым рядом отдельных мероприятий, основанных на том, что предоставление крестьянам гражданских прав позволит им — при активном содействии правительства — получить и реализовать ряд новых, неизвестных им возможностей изменить свою жизнь к лучшему.

Указ от 5 октября 1906 г. де-факто уравнил крестьян в правах с остальными сословиями и стал прорывом к ликвидации сословно-тяглогового строя. Теперь полноправный гражданин своей страны мог владеть своей землей, о чем и говорил указ от 9 ноября, разрешивший крестьянам выход из общины и укрепление наделной земли в собственность. Так в России началась агротехнологическая революция, невозможная без частной крестьянской собственности.

По своему масштабу и сложности эти преобразования не имели аналогов в мировой истории. Их уникальный масштаб и громадный потенциал были ясны уже тогда непредвзятым иностранным наблюдателям, таким как К. А. Вит-Кнутсен, Г. Аухаген, Э. Тэри.⁵

² См.: Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. СПб., 2016. С. 18–47; Он же. О проблемах российской модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 33–44.

³ Община в числе прочего импонировала своим защитникам тем, что была основана на принуждении миллионов людей к сохранению отсталой минималистской схемы общежития. А это давало широкие возможности для управления этими людьми. С долей упрощения можно утверждать следующее. Целью левых народников был социализм в России, главной их задачей на этом пути — уничтожение «ненавистного режима». Община для них имела «великое социальное значение», будучи «эмбрионом» нового социального строя и т. п. А российский народ должен был играть здесь роль объекта в громадном социалистическом эксперименте. Понятно, насколько уравнильно-передельная община была удобна для этого. Для «охранителей» община была оплотом существующего строя и удобным органом правительственной власти, к тому же обеспечивавшим помещиков дешевой рабочей силой. (Давыдов М. А. Крепостническое мышление российского пореформенного общества и уравнильно-передельная община (к постановке проблемы) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2013. № 1. С. 5–19).

⁴ Он же. 20 лет до Великой войны... С. 42–47, 259–316.

⁵ См.: ГУЗиЗ. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914. С. 28; Аухаген Г. Критика земельной реформы в России. СПб., 1914; Тэри Э. Экономическое преобразование России. М., 2008.

Реформа дала крестьянам главное — ряд законных возможностей и вариантов изменения их жизненных сценариев, а остальное решали конкретные обстоятельства и время.

В считанные месяцы после указов марта–ноября 1906 г. в стране начали разворачиваться несколько взаимосвязанных процессов: выход крестьян из общины, укрепление наделной земли в собственность и ее продажа по необходимости, уход крестьян в города и в промышленность,⁶ покупка ими на новых основаниях земель Крестьянского банка, возобновление на льготных условиях переселения в Азиатскую Россию (в меньшей степени — в другие европейские губернии), личное и групповое землеустройство, массовое учреждение кооперативов всех видов и т. д. Крайне важно то, что эти процессы, постепенно набирая силу, шли одновременно в одних и тех же губерниях, уездах, волостях, а нередко — и деревнях.

Современник емко охарактеризовал перемены в крестьянском сознании, произведенные указами 1906 г.: «Прежде всего, была снята опека с народа. Впервые народ стал лицом к лицу не с начальством, а с самой жизнью». И этого было «достаточно для того, чтобы у народа пропала вера в опеку, и заронила искра сознания, что надо самому строить свою жизнь. Это огромный психологический сдвиг. Уже это одно в связи с крушением некоторых надежд получить землю даром, послужило достаточным поводом для стихийного строительства».⁷

Конечно, не у всех пропала «вера в опеку», не все аспекты опеки сразу же исчезли, и можно спорить о том, что именно автор называет «стихийным строительством». Однако главное тут отмечено верно. У миллионов крестьян началась новая жизнь, они стали учиться принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность, что само по себе стало началом крушения старой патерналистской схемы взаимоотношений государства и деревни.

Оценим вкратце основные направления преобразований.

Землеустройство, бесплатно проводимое государством в 47 губерниях Европейской России, было направлено на ликвидацию качественных изъянов наделного землевладения

(чересполосицы, дальнотелье, неотмежеванности наделных земель от соседних владений и т. д.) и превращение надела в один компактный участок, что само по себе должно было способствовать подъему производительности крестьянского хозяйства.

До 1 января 1916 г. в землеустроительные комиссии поступили ходатайства о землеустройстве от 6,2 млн домохозяев. При этом личные и групповые ходатайства делились в соотношении почти 3 млн против 3,2 млн (48,0 % и 52,0 %). Из этого количества в отношении 2,4 млн дворов, или 38,7 %, были завершены все необходимые юридические процедуры.⁸ Всего в стране появилось около 1,5 млн индивидуальных крестьянских хозяйств. При этом землеустройство автоматически повышало цену крестьянской земли в 1,5–2,5 раза.⁹

Общая площадь землеустройства, с учетом земли, купленной у Крестьянского банка и при его посредничестве, а также землеустройства в Сибири, составила в целом по стране как минимум 64 млн дес., т. е. 700 тыс. кв. км, что равно площади современных Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии вместе взятых.

Однако одной лишь пространственной консолидации наделов было недостаточно для изменения уровня агрикультуры крестьянского хозяйства, для агротехнологической революции в России.¹⁰

Благодаря правительственным ассигнованиям развернулась масштабная агрономическая помощь, к которой подключились и земства и на которую за 1910–1913 гг. было израсходовано больше средств, чем за 1895–1909 гг., — 49,6 против 47,3 млн руб.

Численность правительственного и земского агрономического персонала разного уровня, пришедшего в деревню, в 1913 г. превысила 10 тыс. чел. Профессия агронома, не слишком популярная в начале XX в., после 1906 г. вдруг, как и профессия землемера, стала очень востребованной.

⁸ См.: Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 728–780; Он же. Статистика землеустройства в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) // Российская история. 2011. № 1. С. 56–73; Он же. Личное и групповое землеустройство в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) // Российская история. 2015. № 3. С. 116–141.

⁹ См.: Кофод А. Русское землеустройство. СПб., 1913. С. 171; Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. СПб., 1922. С. 192; Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918. С. 381.

¹⁰ См.: Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 194–200.

⁶ Напомним, что модернизация Витте–Столыпина предопределила биографии двух лидеров КПСС — Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева.

⁷ Хейсин М. Л. Кредитная кооперация в России (исторический очерк и современное положение). Пг., 1919. С. 88.

Были открыты тысячи прокатных станций сельхозтехники и зерноочистительных пунктов, организованы многие тысячи показательных полей и участков, а также образцовых хуторов и т. д. В годы реформы во многом был преодолен порог базового недоверия крестьянства к агрономии и к специалистам по сельскому хозяйству вообще, хотя здесь, как и в других направлениях реформы, работа только начиналась.¹¹

Принципиально важно для характеристики поля воздействия реформы, что агрономическое просвещение и помощь деревне отнюдь не ограничивались только хуторянами и отрубниками. Увидев, поняв и поверив в то, что агрономы не «антихристы» и что их советы полезны, к ним стали прислушиваться и многие общинники. Так — благодаря близким и живым примерам — естественный консерватизм крестьянства стал постепенно отступать.

Внешним выражением этого стал, в частности, рост потребления сельхозтехники и удобрий. Только железнодорожные перевозки минеральных удобрений увеличились с 14,7 млн пуд. в 1905 г. до 37,2 млн пуд. в 1913 г., т. е. в 2,5 раза, а усовершенствованной сельхозтехники — с 12,8 млн пуд. в 1905 г. до 34,5 млн пуд. в 1913 г., т. е. в 2,7 раза.¹²

В 1906 г. суммарное железнодорожное получение сельхозтехники Северными, Приозерными, Приуральскими, Прибалтийскими, Литовскими, Белорусскими, Центрально-Промышленными, Центрально-Черноземными и Средневожскими губерниями практически равнялось количеству, полученному Херсонской и Екатеринославской вместе взятым — 1 929,0 против 1 925,3 тыс. пуд. В 1913 г. ситуация явно меняется: теперь 34 губернии указанных районов вместе получили 7 095,7 тыс. пуд. сельхозмашин, а две Новороссийские — 2 976,9 тыс. пуд. соответственно.¹³ То есть потребление сельхозтехники в нечерноземных и северно-черноземных губерниях стало выходить на другой уровень.

Уникальными по объему были и операции Крестьянского поземельного банка, благодаря деятельности которого, в том числе и посреднической, было куплено 10 012,7 тыс. дес. «крестьянской земли»¹⁴ (площадь современ-

ной Болгарии). В руки крестьян перешла часть арендного фонда. При этом условия продажи и погашения кредита были существенно изменены в их пользу.¹⁵ Всего с 1906 по 1916 гг. банком было выдано 352,7 тысячи ссуд на сумму 1,071 млн руб.¹⁶ Таким образом, только через Крестьянский банк государство инвестировало в аграрный сектор свыше 1 млрд руб.

За годы реформы 2,5 млн крестьянских дворов укрепило землю в собственность (помимо землеустройства) на площади в 15,9 млн дес.¹⁷ По подсчетам А. Е. Лосицкого, в 1916 г. лишь 39 % крестьянской земли не было индивидуализировано.¹⁸

Громадным достижением реформы стала возможность мобилизации надельной земли, которая вошла в рыночный оборот, что позволило 1,1 млн крестьян продать почти 4 млн дес. земли не менее чем на 444,7 млн руб.; число покупателей составило примерно 1 млн чел.¹⁹ Следовательно, свыше 2 млн семей смогли таким путем решить часть своих проблем. За 1908–1913 гг. число продавцов выросло в 6,4 раза, а площадь проданной ими земли — в 4,6 раза.

Землю в первую очередь продавали те, кому она была в тягость, кто давно оторвался от сельского хозяйства, жил на стороне, зарабатывая промыслами, а также переселенцы, создававшие тем самым начальный капитал для обустройства на новых местах, покупатели земли у Крестьянского банка и т. д.

Понятно, что основную часть продавцов составили деревенские низы и что площадь продаваемой земли постепенно уменьшалась, однако значение этих мелких продаж наглядно показывают материалы конкурса земледельцев в честь 300-летия Дома Романовых, дающие ясное представление о том, какие возможности для самореализации энергичных людей давала реформа. Это прекрасные иллюстрации на тему «человек — кузнец своего счастья и своей судьбы». Благодаря полученной свободе крестьяне за считанные годы добивались тех самых европейских урожаев, о недостижимости которых при царизме так любила горевать русская интеллигенция, имея

¹⁵ См.: Там же. С. 335–343.

¹⁶ См.: Там же. С. 346.

¹⁷ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Сер. 1. Т. 6. С. 378.

¹⁸ См.: Лосицкий А. Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. М., 1916. С. 1.

¹⁹ См.: История СССР с древнейших времен... Т. 6. С. 379.

¹¹ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 510–578.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Он же. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. С. 524, 525.

¹⁴ См.: Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 345, 346.

в виду, что как только она заменит самодержавие, урожайность немедленно повысится.²⁰

Поддержка правительства стимулировала гигантский, беспрецедентный рост всех видов кооперации. В 1913 г. в стране было свыше 30 тыс. кооперативов разных типов.²¹

Помимо кредитных были потребительские и производственные кооперативы, сельскохозяйственные общества, которые в годы реформы даже начали торговать крестьянским хлебом, кооперативы маслодельные, молочные, картофелетёрочные, крахмальные, хлеботорговые и т. д. У людей открылось гигантское поле приложения сил.²²

При этом в годы Первой мировой войны этот процесс нарастал. Только за 1914–1915 гг. число кредитных кооперативов и их членов выросло на 20 %, а ведь за полтора военных года из деревни забрали 10 млн мужчин. Россия стала мировым лидером по темпам кооперативного движения, и в 1917 г., как считается, свыше половины населения страны было охвачено кооперацией различных типов.²³

Исключительно важное значение для подъема сельского хозяйства после 1906 г. имела кредитная кооперация.²⁴ Известно, что землеустроительные комиссии за 1907–1915 гг. выдали ссуд и безвозвратных пособий на 34,3 млн руб., домообзаводственные и путевые ссуды, полученные переселенцами за 1906–1914 гг. от Переселенческого управления, составили 75,9 млн руб., а всего 110,2 млн руб.²⁵

Между тем только кредитные кооперативы за 1906–1913 гг. выдали крестьянам ссуд на 1912,3 млн руб., т. е. в 17,4 раза больше (без Польши и Прибалтики, где реформа официально не проводилась; учет показателей этих районов увеличивает ссуды до 2,5 млрд руб.). Эта сумма в 5,3 раза превышает затраты правительства на землеустройство и переселение и в 5,8 раз — стоимость всех сельхозмашин и орудий, импортированных в Россию за

1906–1913 гг., и равна двум оборонным бюджетам империи предвоенного 1913 г. Другими словами, кредитная кооперация стала приводным ремнем реформы.

Переселенческая политика позволила как минимум 2,7 млн чел.²⁶ начать новую жизнь в Азиатской России (вероятно, эту цифру нужно повысить до 3,3 млн чел.²⁷). Недостаточно трактовать данный факт как простое перемещение населения целой губернии (уровня Казанской или Курской) из перенаселенных районов — эти сотни тысяч крестьян создали в Сибири новый растущий рынок сбыта для русской промышленности и в то же время превратили ее в важный сельскохозяйственный регион.²⁸

Переселение сопровождалось масштабным железнодорожным строительством в азиатской части страны,²⁹ ставшим важнейшим фактором эффективной интеграции империи. Оно успешно продолжалось и в годы войны, так что к 1917 г. в строй вошли многие тысячи верст новых железных дорог.

Кроме того, в 1910-х гг. Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) разработало и начало выполнять обширную многолетнюю программу орошения и освоения пустынных областей Средней Азии и Закавказья, направленную на минимизацию зависимости России от заграничного хлопка. В 1913 г. Дума приняла решение о создании фонда в 150 млн руб. для финансирования гидротехнических и мелиоративных работ в Европейской и Азиатской России.³⁰

Как же отразилась реформа на состоянии аграрного сектора страны?

Быстрый подъем российского сельского хозяйства в начале XX в. и его успехи были настолько очевидны, что их не оспаривала даже советская историография.³¹

²⁰ См.: Крестьянское хозяйство в России. Извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых. Пг., 1915.

²¹ Безусловным показателем того, насколько быстро кооперативы вошли в жизнь деревни, являются частушки о кооперации: «Нету, нету, маво милки, // Нету, не покажется. // Чай, сидит у потребики, // Леший, кочевряжится». Или: «Пойду выпрошу кредиту, // Стану богатеем; // Погуляем, попоем, // Отдадим — успеем». Или: «Где-й-то, где-й-то заиграли, // Где-й-то заталяжили». // Знать, прошли ребята наши, // Деньги в банке заняли». (Неизданный В. Г. Короленко: в 3-х т. М., 2011. Т. 1. С. 66.)

²² См.: Макаров Н. П. Рыночное молочное хозяйство. Пг., 1917.

²³ См.: Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 366.

²⁴ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 640–705.

²⁵ См.: Там же. С. 705, 706.

²⁶ Анализ переселенческой статистики приводит к выводу о том, что фигурирующая в литературе доля обратных переселенцев в 17,4 % неверна. Корректнее считать, что доля вернувшихся переселенцев 11,8 % (Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 708–712).

²⁷ См.: Тюкавкин В. Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 263–269.

²⁸ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 729–732.

²⁹ См.: Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг., 1914. С. 86, 87.

³⁰ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 758–760.

³¹ См.: История СССР с древнейших времен... С. 298–302; Дубровский С. М. «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925. С. 81–89; Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 143–147.

в виду, что как только она заменит самодержавие, урожайность немедленно повысится.²⁰

Поддержка правительства стимулировала гигантский, беспрецедентный рост всех видов кооперации. В 1913 г. в стране было свыше 30 тыс. кооперативов разных типов.²¹

Помимо кредитных были потребительские и производственные кооперативы, сельскохозяйственные общества, которые в годы реформы даже начали торговать крестьянским хлебом, кооперативы маслодельные, молочные, картофелетёрочные, крахмальные, хлеботорговые и т. д. У людей открылось гигантское поле приложения сил.²²

При этом в годы Первой мировой войны этот процесс нарастал. Только за 1914–1915 гг. число кредитных кооперативов и их членов выросло на 20 %, а ведь за полтора военных года из деревни забрали 10 млн мужчин. Россия стала мировым лидером по темпам кооперативного движения, и в 1917 г., как считается, свыше половины населения страны было охвачено кооперацией различных типов.²³

Исключительно важное значение для подъема сельского хозяйства после 1906 г. имела кредитная кооперация.²⁴ Известно, что землеустроительные комиссии за 1907–1915 гг. выдали ссуд и безвозвратных пособий на 34,3 млн руб., домообзаводственные и путевые ссуды, полученные переселенцами за 1906–1914 гг. от Переселенческого управления, составили 75,9 млн руб., а всего 110,2 млн руб.²⁵

Между тем только кредитные кооперативы за 1906–1913 гг. выдали крестьянам ссуд на 1912,3 млн руб., т. е. в 17,4 раза больше (без Польши и Прибалтики, где реформа официально не проводилась; учет показателей этих районов увеличивает ссуды до 2,5 млрд руб.). Эта сумма в 5,3 раза превышает затраты правительства на землеустройство и переселение и в 5,8 раз — стоимость всех сельхозмашин и орудий, импортированных в Россию за

1906–1913 гг., и равна двум оборонным бюджетам империи предвоенного 1913 г. Другими словами, кредитная кооперация стала приводным ремнем реформы.

Переселенческая политика позволила как минимум 2,7 млн чел.²⁶ начать новую жизнь в Азиатской России (вероятно, эту цифру нужно повысить до 3,3 млн чел.²⁷). Недостаточно трактовать данный факт как простое перемещение населения целой губернии (уровня Казанской или Курской) из перенаселенных районов — эти сотни тысяч крестьян создали в Сибири новый растущий рынок сбыта для русской промышленности и в то же время превратили ее в важный сельскохозяйственный регион.²⁸

Переселение сопровождалось масштабным железнодорожным строительством в азиатской части страны,²⁹ ставшим важнейшим фактором эффективной интеграции империи. Оно успешно продолжалось и в годы войны, так что к 1917 г. в строй вошли многие тысячи верст новых железных дорог.

Кроме того, в 1910-х гг. Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) разработало и начало выполнять обширную многолетнюю программу орошения и освоения пустынных областей Средней Азии и Закавказья, направленную на минимизацию зависимости России от заграничного хлопка. В 1913 г. Дума приняла решение о создании фонда в 150 млн руб. для финансирования гидротехнических и мелиоративных работ в Европейской и Азиатской России.³⁰

Как же отразилась реформа на состоянии аграрного сектора страны?

Быстрый подъем российского сельского хозяйства в начале XX в. и его успехи были настолько очевидны, что их не оспаривала даже советская историография.³¹

²⁰ См.: Крестьянское хозяйство в России. Извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память трехсотлетия Царствования Дома Романовых. Пг., 1915.

²¹ Безусловным показателем того, насколько быстро кооперативы вошли в жизнь деревни, являются частушки о кооперации: «Нету, нету, маво милки, // Нету, не покажется. // Чай, сидит у потреблики, // Леший, кочевряжится». Или: «Пойду выпрошу кредиту, // Стану богатеем; // Погуляем, попоем, // Отдадим — успеем». Или: «Где-й-то, где-й-то заиграли, // Где-й-то заталяжили». // Знать, прошли ребята наши, // Деньги в банке заняли». (Неизданный В. Г. Короленко: в 3-х т. М., 2011. Т. 1. С. 66.)

²² См.: Макаров Н. П. Рыночное молочное хозяйство. Пг., 1917.

²³ См.: Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 366.

²⁴ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 640–705.

²⁵ См.: Там же. С. 705, 706.

²⁶ Анализ переселенческой статистики приводит к выводу о том, что фигурирующая в литературе доля обратных переселенцев в 17,4 % неверна. Корректнее считать, что доля вернувшихся переселенцев 11,8 % (Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 708–712).

²⁷ См.: Тюкавкин В. Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 263–269.

²⁸ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 729–732.

²⁹ См.: Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг., 1914. С. 86, 87.

³⁰ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 758–760.

³¹ См.: История СССР с древнейших времен... С. 298–302; Дубровский С. М. «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925. С. 81–89; Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 143–147.

Понятно, что реформа не изменила и не могла радикально изменить ситуацию в зерновом хозяйстве: для этого прошло слишком мало времени, хотя в нашем распоряжении есть сотни свидетельств агрономов о том, что урожайность в единоличных хозяйствах была намного выше, чем в соседних общинных.

Вместе с тем совершенно бесспорны все сильнее нарастающие благодаря реформе позитивные перемены практически во всех остальных сферах сельского хозяйства, в частности рост урожайности и сборов технических и трудоемких культур: льна, конопли, табака, картофеля, подсолнечника, кукурузы, свекловицы — прежде всего на крестьянских полях, подъем травосеяния, причем и там, где его ранее почти не практиковали, заметный прогресс таких доходных отраслей крестьянского хозяйства, как молочное дело, свиноводство, птицеводство, овощеводство и др. Напомним, что в 1913 г. вывоз яиц и птицы стал второй по ценности после хлеба статьей сельскохозяйственного экспорта (107,2 млн руб.),³² заметно превосходя лен и масло.

В конце XIX — начале XX вв. отечественное животноводство начинает переход от экстенсивной к интенсивной модели развития.³³

Статистика однозначно показывает рост внутреннего сельскохозяйственного рынка — в связи с продолжавшейся индустриализацией и новым промышленным подъемом 1909–1913 гг.

Статистика внешней торговли показывает рост и физических, и ценностных параметров всех пунктов экспорта, однако вторые, благодаря повышению цен на мировом рынке, увеличиваются быстрее. За 1901–1913 гг. объем сельскохозяйственного экспорта вырос почти вдвое — с 569,7 до 1 125,9 млн руб.³⁴

Вышесказанное позволяет поставить вопрос: в какой мере реформа повлияла на кризис аграрного перенаселения? Здесь в первую очередь важны два аспекта. Во-первых, динамика уровня жизни крестьянства, во-вторых, уменьшение плотности населения и перемены на рынке труда.

Снижение аграрного перенаселения — это не только механическое сокращение плотности населения, хотя само по себе оно очень важно. При любом ее (плотности) уровне клю-

чевая проблема — уровень доходов жителей. И если эти доходы буквально за несколько лет заметно повышаются и данная тенденция устойчива, то у нас есть все основания говорить о том, что кризис разрешается успешно.

Статистика сберегательного дела ясно говорит о росте благосостояния жителей страны в конце XIX — начале XX вв.

Если население империи за 1896–1913 гг. увеличилось в 1,4 раза,³⁵ а число сберегательных касс — в 2,2 раза, то число книжек и сумма вкладов на них — в 4,3 раза: в 1896 г. имелось 1 991,8 тыс. сберкнижек, на которых хранилось 358,9 млн руб., а в 1913 г. — 8 608,7 тыс. книжек с 1 549,8 млн руб. (если считать вклады в процентные бумаги, то 1 826,9 млн руб.). Напомним, что в 1913 г. бюджет империи составлял порядка 3,5 млрд руб.

При этом сельское население выросло за тот же период в 1,3 раза, число же крестьянских книжек — в 6,9 раза, а сумма вкладов — в 7,2 раза. Больше всего их было в Центрально-Промышленном районе. Крестьяне, наряду с общественными и частными служащими, были самой быстрорастущей категорией вкладчиков.

За 1906–1913 гг. общее число книжек всех категорий вкладчиков увеличилось на 60,4 %, а сумма вкладов на них — на 64,0 %.

За те же годы число крестьянских книжек выросло на 82 %, составив 2 546,6 тыс., сумма вкладов — на 83 %, достигнув 480,2 млн руб.³⁶ Другими словами, крестьянские сбережения росли быстрее, чем сбережения по стране в целом.³⁷

Если же сложить показатели тех категорий вкладчиков, которые безусловно составляли понятие «простой народ», т. е. «земледелие и сельские промыслы», «городские промыслы», «фабрики, заводы, рудники», «услужение» и «нижние чины», то в 1896 г. представители этих родов занятий в сумме имели 977,0 тыс. книжек со 150,1 млн руб., а в 1913 г. — соответственно 5 173,6 тыс. книжек и 867,7 млн руб. То есть число принадлежащих им книжек выросло в 5,3 раза, а сумма вкладов — в 5,8 раз. Если сберкнижки вкладчиков этих категорий в 1896 г. составляли 49,0 % всех книжек, то в 1913 г. — уже 60,1 %, а доля их вкладов повысилась с 41,8 до 56,0 %.

³² См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 821.

³³ В начале XX в. по производству мяса Россия занимала 1-е место в Европе и 2-е в мире (после США).

³⁴ О сельскохозяйственном экспорте см.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 820–822.

³⁵ Сопоставимая статистика сберегательного дела появляется в 1896 г., а полностью сопоставимая — с 1897 г.

³⁶ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 359–419.

³⁷ Напомним, что «Большая флотская программа» стоила 430 млн руб.

Все это, безусловно, говорит о том, что в годы аграрной реформы Столыпина благосостояние населения страны вообще и крестьян в особенности повысилось; рост крестьянских вкладов более чем на 80 % всего за 8 лет следует признать вполне удовлетворительным.

Для оценки перспектив сберегательного дела важно знать, что на 1 января 1914 г. в Российской империи работало 8 552 государственных сберегательных кассы, из которых 548 было открыто в 1913 г. В 1914 г. появилось 500 новых касс, в 1915 г. — 802, а за январь–сентябрь 1916 г. — 2 730 (!).

В итоге на 1 октября 1916 г. в России числилось 12 585 сберегательных касс, т. е. на 4 033 кассы (на 47,1 %) больше, на 1 января 1914 г.³⁸ Иными словами, за неполных три года число сберегательных касс выросло почти в 1,5 раза!

Заметим, что данный факт, подобно бурному росту кооперации, в том числе и кредитной, в годы Первой мировой войны плохо сочетается как с якобы обреченностью империи на социальный катаклизм, так и с уверениями в падении уровня благосостояния ее жителей.

В то же время у государственных сберегательных касс появился серьезный конкурент в лице кредитных кооперативов, число которых за 1906–1915 гг. выросло на порядок (с 1 629 до 15 436³⁹) и которые за счет более высоких процентов по вкладам и отсутствия ограничений по их сумме после 9 ноября 1906 г. вполне успешно конкурировали с государственными сберегательными кассами, особенно в ряде губерний черноземной половины России.

Если прирост крестьянских вкладов в сберегательных кассах за 1906–1913 гг. составил 201,4 млн руб., то прирост вкладов и займов в кредитных кооперативах — 258,1 млн руб.⁴⁰ В совокупности эти факты повораживают проблему крестьянского благосостояния в плоскость, неизвестную традиционной историографии. При этом накопления крестьян, безусловно, были еще значительнее, чем показывает статистика. Недоверие населения к открытому размещению сбережений оставалось, судя по источникам, весьма сильным.⁴¹

³⁸ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 419–422.

³⁹ См.: Там же. С. 644.

⁴⁰ Можно с уверенностью говорить о том, что крестьянские деньги во вкладах и займах безусловно преобладают, тем более, что из анализа исключены Прибалтика и Польша, где реформа формально не проводилась и где заметную роль играли городские ссудо-сберегательные товарищества.

⁴¹ См.: Прокопович С. Н. Кредитная кооперация в России. М., 1923. С. 51.

Вместе с тем о величине народных доходов можно судить по существенному росту таких интегрированных показателей, как сельскохозяйственный экспорт, транспортировка грузов (мы иногда забываем, что каждый перевезенный пуд был оплачен — и не раз), акцизные доходы, особенно питейный и сахарный.

Так, за годы реформы стоимость вывезенных хлебов составила 4 664,7 млн руб., а с добавлением семян и жмыхов — 5 170,4 млн руб. Однако за те же 8 лет питейный доход казны составил 6 460,5 млн руб., что на 38,5 % больше первого показателя и на 25,0 % — второго. В 1913 г. питейный доход составил 952,8 млн руб.

Известно, что за 1895–1913 гг. душевое потребление сахара в России выросло более чем вдвое, а за 1906–1913 г. — на треть.⁴²

Полагаем, мы вправе сделать следующий вывод: поскольку в конечном счете весь смысл преобразований П. А. Столыпина сводился к тому, что обретенная людьми свобода позволяла поднять благосостояние деревни, увеличить крестьянский достаток, постольку мы можем констатировать бесспорный успех реформы в деле преодоления аграрного перенаселения.

Вместе с тем безусловный рост уровня жизни крестьянства — очень важное, но не единственное свидетельство позитивного решения этой огромной проблемы.

Вторая группа фактов связана с переменами на рынке труда.

Успешное течение реформы подтверждает также и бесспорный факт роста заработной платы сельскохозяйственных рабочих-отходников в 1906–1913 гг. Цены на труд всех категорий работников во все периоды сельскохозяйственных работ повсеместно увеличиваются.⁴³

Это касается и отдельных губерний, и экономических районов, в том числе и главного рынка сельскохозяйственных рабочих — Новороссии. Сюда десятилетиями в первую очередь шел избыток рабочей силы из северно-черноземных губерний, в силу чего именно этот рынок всегда был своего рода камертоном ситуации в районе аграрного кризиса.

Если в 1888–1906 гг. число отходников росло, однако их заработная плата падала, то в 1907–1912 гг., напротив, пришлых рабочих становится намного меньше (и это тревожит

⁴² См.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 222.

⁴³ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 809–811; Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика... С. 127–129.

помещиков), а оплата их труда, соответственно, возрастает.

Источники выделяют три основных причины падения количества приходящих рабочих: 1) подъем переселенческого движения; 2) действие законов от 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г.; 3) рост заграничного отхода.⁴⁴ Два первых фактора в корне изменили сам характер отходничества, как и всей аграрной сферы народного хозяйства империи.

Мобилизация надельных земель, уменьшение плотности населения, благодаря переселению в Сибирь, уходу людей в города и в промышленность, покупка земли у Крестьянского банка, «массовый переход на хутора и отруба», сопровождавшийся внедрением трудоемких интенсивных культур, взрывное развитие кооперации, в том числе и производственной, позволили крестьянам занять значительную часть «недогруженных» рабочих рук в собственном хозяйстве. Появились серьезные стимулы к удержанию свободной рабочей силы на местах.

В то же время с началом реформы, благодаря отмене ограничений в передвижении крестьян, закономерно стал возрастать начавшийся уже в 1890-х гг. сезонный отъезд крестьян на заработки за границу, в основном в Пруссию и Галицию, а также в Америку (не менее, чем на 2–3 года).⁴⁵

Накануне Первой мировой войны, по официальной немецкой статистике, более 40 % сельскохозяйственных рабочих приезжало из России. Если в 1890 г. было зарегистрировано 17,3 тыс. русских рабочих, то в 1910–1911 г. — 281,4 тыс.⁴⁶ Каждый рабочий привозил домой как минимум 50–100 руб.

Еще привлекательнее были условия в США, откуда на родину поступало по 300–500 руб. в год, а иногда и больше. «Американцы» за 2–3 года зарабатывали немалые для деревни суммы и становились «экономически устойчивыми хозяевами», поскольку вливали в свое хозяйство не менее 500–800 руб.⁴⁷ Эта информация — еще одно весомое доказательство того, что кризис аграрного перенаселения начал успешно преодолеваться.

⁴⁴ См.: Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие. СПб., 1913. С. 38. В этой работе осмыслены результаты анкетного обследования рынка сельскохозяйственной рабочей силы, проведенного в 1912–1913 гг. «Торгово-Промышленной газетой».

⁴⁵ См.: Существующий порядок взимания окладных сборов с крестьян. По сведениям, доставленным податными инспекторами за 1887–1893 годы. Вып. 1. СПб., 1894. С. 25.

⁴⁶ См.: Полферов Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие... С. 43.

⁴⁷ См.: Там же. С. 44, 45.

Реформа, несомненно, имела мультипликационный, или нарастающий эффект.⁴⁸ Стратегия Столыпина была верна: именно ряд параллельных правительственных мероприятий в сочетании с личным раскрепощением, со свободой людей принимать ответственные решения и отвечать за них в большой мере вырвали деревню из застоя еще до Первой мировой войны. И значимость этого факта трудно переоценить.

Оценивая произошедшие перемены, А. В. Чаянов писал: «Наша Родина переживает сейчас такое же “возрождение села”, какое несколько десятилетий назад пережили датские, итальянские, бельгийские и другие европейские крестьяне. Конечно, возрождение это идет не всегда так гладко, как хотелось бы: бывают успехи, бывают и неудачи. Много сделано, еще больше остается сделать. Но несомненно одно: крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию».⁴⁹

Особо следует отметить действия правительства как демиурга преобразований. Успех реформы говорит о том, что управленческий класс правительства существенно вырос, что во многом было следствием прихода во власть нового поколения бюрократии, яркими представителями которого были П. А. Столыпин, В. И. Гурко, А. В. Кривошеин и их сотрудники, чью деятельность по реализации реформы в итоге признала даже часть оппозиции.⁵⁰

В июле 1914 г. в преобразованиях прямо и косвенно участвовало, не считая кооператоров, не менее 45 тыс. чел., что сопоставимо с численностью офицерского корпуса Российской империи в 1914 г. (48 тыс. офицеров, врачей и чиновников).⁵¹ И это было лишь начало.

Крайне важно, что изменилось не только правительство — изменился и народ. Мы должны понимать, что успех преобразований в огромной степени был связан с новым поколением российских крестьян, родившихся после 1861 г., для которых мифологическое сознание было преодоленным или преодолеваемым этапом развития личности. Они ощущали себя полноценными людьми в прямом смысле

⁴⁸ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. СПб., 2015. Т. 2. С. 237.

⁴⁹ Чаянов А. В. Война и крестьянское хозяйство. М., 1914. С. 4.

⁵⁰ См.: Кауфман А. А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара, 1915; Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М., 2007. С. 381.

⁵¹ См.: Давыдов М. А. 20 лет до Великой войны... С. 813.

слова, они не желали мириться с гнетом общины и жаждали самостоятельности, они — помимо прочего — отдавали взятые в кооперативах кредиты, читали газеты и т. д.⁵²

Полагаем, у нас есть все основания рассматривать аграрные преобразования П. А. Столыпина как основанный на получении крестьянами де-факто полноты гражданских прав целостный масштабный процесс реформирования аграрного сектора российской экономики, как русскую агротехнологическую революцию.

Michael A. Davydov

Doctor of Historical Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow)
E-mail: *mdhist@gmail.com*

P. A. STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM:
MAIN DIRECTIONS AND HISTORICAL SIGNIFICANCE

The Stolypin land reform is the beginning of Russia's agrotechnological revolution, but its significance goes far beyond agriculture itself. On the one hand, it has become a crucial milestone in the elimination of the estate-tax system, dramatically strengthening the integration of the peasantry into the civil legal space, and on the other, it has been a catalyst for unprecedented phenomena and processes in the history of the Russian Empire in the sphere of national economy, as well as mass psychology and culture. The agrarian question in the late 19th — early 20th centuries turned into a key problem of the Russian Empire. To a huge extent, it was due to the neo-serfdom views of a large part of the Russian elites. The consequences of the conservation of the communal regime, one of the results of which was the crisis of agrarian overpopulation primarily in the northern chernozem provinces between the Dnieper and the Volga, were fully manifested during the agrarian pogroms of 1905. Only these upheavals forced the authority to finally take the path of all civilized humanity. P. A. Stolypin believed that it was impossible to solve the agrarian question completely, but it could only be solved — by a number of separate measures aimed at providing the peasants with civil rights and legal options for their implementation, thanks to which the peasants received a number of new, unknown to them opportunities to change their lives for the better — with the government's active assistance. And this strategy proved to be effective.

Keywords: *Stolypin's land reform, agrotechnological revolution, Witte–Stolypin modernization, agrarian overpopulation crisis*

REFERENCES

- Brutskus B. D. *Agrarnyy vopros i agrarnaya politika* [The agrarian question and agrarian policy]. Saint Petersburg: Pravo Publ., 1922. (in Russ.).
- Chernyshev I. V. *Agrarno-krest'yanskaya politika Rossii za 150 let* [Agrarian-peasant policy of Russia for 150 years]. Petrograd: Tip. MPS Publ., 1918. (in Russ.).
- Davydov M. A. [Individual and group land settlement during Stolypin's land reform (1907–1915)]. *Rossiiskaia Istorija* [Russian History], 2015, no. 3, pp. 116–141. (in Russ.).
- Davydov M. A. [On the problems of Russia's modernization]. *Rossiiskaia Istorija* [Russian History], 2018, no. 3, pp. 33–44. (in Russ.).
- Davydov M. A. [Serf Thinking of Russian Post-Reform Society and Leveling and Reefficient Community (to Problem Statement)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2013, no. 1, pp. 5–19. (in Russ.).

⁵² Об этом мы отчасти можем судить по прозе и публицистике С. Т. Семенова.

- Davydov M. A. [Statistics of land settlement in course of the Stolypin land reform]. *Rossiiskaia Istorია* [Russian History], 2011, no. 1, pp. 56–73. (in Russ.).
- Davydov M. A. *20 let do Velikoy voyny. Rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [20 years before the Great War. Russian modernization of Witte-Stolypin]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2016. (in Russ.).
- Davydov M. A. *Vserossiyskiy rynek v kontse XIX — nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [The All-Russian Market in the late 19th — early 20th centuries and railway statistics]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2010. (in Russ.).
- Dubrovsky S. M. “*Stolypinskaya reforma*”. *Kapitalizatsiya sel'skogo khozyaystva v XX veke* [“Stolypin reform”. The capitalization of agriculture in the 20th century]. Leningrad: Priboy Publ., 1925. (in Russ.).
- Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The USSR history from ancient times to the present day]. Moscow: Nauka Publ., 1967, series 1, vol. 6. (in Russ.).
- Kheisin M. L. *Kreditnaya kooperatsiya v Rossii (Istoricheskiy ocherk i sovremennoye polozheniye)* [Credit cooperation in Russia (Historical essay and current situation)]. Petrograd: Knigoizdatel'stvo Kooperativnoy Literatury “Mysl” Publ., 1919. (in Russ.).
- Korelin A. P. *Kooperatsiya i kooperativnoye dvizheniye v Rossii. 1860–1917 gg.* [Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. (in Russ.).
- Litoshenko L. N. *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Socialization of land in Russia]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2001. (in Russ.).
- Makarov N. P. *Rynochnoye molochnoye khozyaystvo* [Market dairy farming]. Petrograd, 1917. (in Russ.).
- Matsuzato K. [The Stolypin reform and Russia's agrotechnological revolution]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 1992, no. 6, pp. 194–200. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t.* [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vols.]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2015, vol. 2. (in Russ.).
- Prokopovich S. N. *Kreditnaya kooperatsiya v Rossii* [Credit cooperation in Russia]. Moscow: Kooperativnoye izdatel'stvo Publ., 1923. (in Russ.).
- Proskuryakova N. A. *Zemel'nyye banki Rossiyskoy imperii* [Land Banks of the Russian Empire]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002. (in Russ.).
- Teri E. *Ekonomicheskoye preobrazovaniye Rossii* [Economic transformation of Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. (in Russ.).
- Tyrkova-Williams A. *Na putyakh k svobode* [On the paths to freedom]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2007. (in Russ.).
- Tyukavkin V. G. *Velikorusskoye krest'yanstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian reform]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli Publ., 2001. (in Russ.).